

Сергей Мазуркевич

ДУШИТЕЛЬ ИЗ БАНГКОК

остросюжетный рома

Сергей Мазуркевич

Душитель из Бангкока

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15123175

ISBN 9785447438883

Аннотация

Черeda загадочных убийств иностранных туристов потрясает столицу Таиланда Бангкок. К расследованию дела подключается бывший следователь, а ныне путешественник Сергей Александров. Ему удастся выйти на след пхасингаров (душителeй) – кровавых поклонников богини Кали. Расследование приводит русского Индиану Джонса в Гималаи, где он и его соратники попадают во множество опасных переделок. Чем ближе он подбирается к таинственным преступникам, тем более частыми становятся попытки его устранить.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	12
Глава четвертая	14
Глава пятая	16
Глава шестая	19
Глава седьмая	22
Глава восьмая	26
Глава девятая	30
Глава десятая	34
Глава одиннадцатая	39
Глава двенадцатая	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Душител ь из Бангкока

остросюжетный роман

Сергей Мазуркевич

© Сергей Мазуркевич, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все имена, персонажи и события являются плодом авторского вымысла. Любые совпадения с реальными людьми и событиями совершенно случайны.

*

– *Кали мата! Кали мата! Кали мата!* – высокий, худощавый старик с белыми, резко контрастирующими с черным цветом кожи, волосами, гортанно прокричал священные мантры и одним ударом большого, похожего на мачете, ножа отсек голову младенцу. Кровь хлынула в чашу, сделанную из человеческого черепа. «Кали мата! Кали мата! – неистовствовала толпа, ритмично покачиваясь в едином трансе. «О Бовани, Мать мира – эту жертву посвящаем тебе», – прокричал беловолосый старик, сделал глоток крови из чаши и передал священный сосуд следующему пхасингару...

*

– *Добрый вечер, сэр! Заходите в наше ателье. Лучшие ткани, самые модные фасоны и очень-очень дешево. У нас лучшие цены не только в районе Кхаосан Роад, но и во всем Бангкоке. Откуда вы приехали? Россия? Как поживает господин Путин?* – маленький щуплый курчавый индеец всеми силами старался завлечь в ателье проходивших мимо туристов из России. Без особого успеха, надо сказать...

*

Девушки в этом VIP-салоне, не имеющем ни вывески, ни какой-либо рекламы, были исключительно хороши собой. Каждая из них могла бы участвовать в конкурсе «Мисс Таиланд» и даже занять одно из призовых мест.

Но тайский Генерал и индийский Политик были полностью сосредоточены на разговоре и на ухаживающих за ними служительницах самой древней в мире профессии особого вни-

мания не обращали. Всему свое время. Дойдет очередь и до них, а пока нужно было решить главное...

– Ты уверен, что это сработает? – на не самом лучшем английском языке в очередной раз переспросил своего собеседника щуплый, невысокий таец лет сорока. Его можно было бы принять за кого угодно, за средней руки бизнесмена, водителя такси, и даже тук-тукера, если бы не глаза. Они его выдавали. Глаза человека, не только привыкшего повелевать, но и не терпевшего, когда ему мешали.

Политик внешне был полной противоположностью Генерала – высокий, с огромным животом индеец с бегающими глазками и презрительно поджатými губами. Его, похоже, забавляли сомнения собеседника:

– Уверен, более чем уверен. Кем я был до знакомства с Ним? – спросил он Генерала. Тот молча пожал плечами, и индеец продолжил: – Скромным чиновником магистратуры маленького городка Реконг Пио. Ты знаешь такой город? Ну да, откуда? И никто не знает. А кто я сейчас?.. – он был бы смешон этот индийский павлин, если бы не глаза. В них отражалась тьма...

Я шел на свет. На берегу у кромки воды был разожжен костер. Возле огня стоял обычный деревянный стол, полностью заставленный статуэтками разных божеств. И только в центре стола было место свободное от статуэток. Там лежал голенький грудной ребенок. Возле стола стоял Душитель собственной персоной с мачете в руках. Только куда делись его белые волосы? Его череп был так же гол, как и мой. Конспиратор хренов...

Два метательных ножа сами легли мне в руки. Я был готов уже совершить бросок, и тут наши глаза встретились. Меня словно скалой придавило к земле. Я не мог и пошевелиться, не то что бросить в Душителя ножи. В то же время было похоже, что и у него все силы уходили на удержание меня от активных действий. Ситуация была патовая.

Глава первая

Бангкок – Город Небожителей.

Кладбище Британской империи.

Из ада в рай. Новое расследование

Любите ли вы Бангкок так, как люблю его я? Нет? Вы не были в Бангкоке? Или были три дня и вам не понравилось? Или вы смотрели фильм о наемном убийце, с Николасом Кейджем в главной роли, где в самом начале дается прямо-таки убийственная характеристика города: «Бангкок! Коррупция, грязь, пробки!» И не сказать, что всего этого здесь нет. Есть, конечно. И много чего еще есть такого, от чего воротят нос гламурные дамочки, мужчины в строгих пиджаках и вскормленные телевизором обыватели. Как и у любого мегаполиса, у Кругтхепа* есть своя изнанка. Она была, есть и будет, но вряд ли оправданно судить по ней о городе в целом. Он разный – и ужасный, и прекрасный. Причем, прекрасного в нем, как по мне, так очень много.

Я полюбил Бангкок с первого взгляда. Возможно, этому сопутствовал ряд обстоятельств. Возможно. Как сейчас помню мое знакомство с Городом Небожителей*. Было это с десятков лет тому назад. Я прилетел в Таиланд из Калькутты, что человеку знающему говорит о многом. А незнающим расскажу.

Трудно найти в Индии город столь же тяжелый для европейца, как Калькутта, именуемая также Черной дырой и Кладбищем Британской империи. Путешествуя по этой великой стране, обычно приучаешься не обращать внимание на разного рода неудобства: будь то грязные улицы или отсутствие у индийцев понятия о личном пространстве человека. Но Калькутта, словно вобравшая в себя все, что может вызвать оторопь у европейца, способна пробить даже опытных путешественников.

Клод Леви-Стросс назвал этот город «местом всего, что стоит ненавидеть в мире». Нобелевский лауреат Гюнтер Грасс, прожив в городе несколько месяцев, заявил о нём: «Это куча мусора, выброшенная Богом». Поддержал его и местный коллега, и тоже Нобелевский лауреат Видиадхар Сурадхипрасад Найпол: «Я не знаю другого города, судьба которого была бы столь безнадежна».

Даже, когда находишься в благополучном и местами очень красивом центре города, ощущаешь его тяжесть. Я бывал в Калькутте только проездом, не дольше суток, но этого хватало для погружения в безнадежность.

И вот после этого маленького индийского ада я попадаю в Бангкок, являющий собой полную противоположность бывшей английской столице Индии. И когда солнечным февральским днем я въезжал в город на красно-синем такси под музыку группы «Эндорфин» (об этой группе я, конечно, узнал позже, но песня тогда запомнилась), я чувствовал, что как минимум роман с Бангкоком у меня точно будет. Позже оказалось, что это не роман, а любовь. Причем не могу сказать, что односторонняя. Часто мне кажется, что город отвечает мне тем же.

Знаю точно, что в этот раз мне благорасположенность Бангкока совсем не мешает. Очень уж непростое мне предстоит здесь расследование. И это притом что с моей профессией следователя я навсегда (как я еще недавно думал) распрощался больше десяти лет назад. Да и сейчас не хотел особенно браться за это дело. Но... Во-первых, отказать попросившему об услуге человеку было бы ой как не просто. И во-вторых, чего уж там скрывать, захотелось себя проверить: смогу ли?

Примечания к первой главе

Крунгхтхеп – сокращенное официальное название города. Полное же – самое длинное название города в мире. Звучит оно следующим образом: Крунгтхепмаханакхон Амонратанакосин Махинтхараюттхая Махадилокппхонапхаратратчатханибуриром Удомратчаниветмахан Амонпхиманаватансатхит Саккатхаттиявитсанукампрасит. В переводе все это означает: «Город Сыновей Неба (Бессмертных), Великий Город, Трон Изумрудного Будды, Неуязвимый Город Индры, Великая Столица Мира, Одаренная Девятью Бесценными Жемчужинами, Счастливый Город, изобилующий Королевскими Дворцами, напоминающими Небесную Обитель, где Пребывают Перевоплотившиеся Боги, Город, данный Индрой и Построенный Вишнукармой.

Город Небожителей – В популярной прессе и некоторых путеводителях Бангкок частенько именуют на западный манер Городом Ангелов, что, на мой взгляд, совершенно не оправданно. Правильнее все же будет Город Небожителей (т.к. согласно буддийской мифологии на небе проживают не только те сущности, которые соответствуют ангелам, но и многие другие).

Глава вторая

Ножевой бой. Искусство Кали. Чужаки.

Приглашение, от которого нельзя отказаться.

Геологи и барды. Окультуренный хищник. Обед

советского геолога. Убийство племянника.

Предложение, от которого нельзя отказаться

Для встречи с этим человеком меня «выдернули» сразу после боя с Александром Веселым. Я еще не успел не то, что отдохнуть, но и даже выйти из измененного состояния сознания, в которое обычно вхожу перед серьезной схваткой. Поединок был непростой, Саша, несмотря на свою веселую фамилию, противником был очень серьезным, может быть даже одним из лучших в стране специалистов по ножевому бою. И совладеть мне с ним удалось, похоже, только из-за того, что, не будучи хорошо знаком с кали {филиппинское боевое искусство, которому свойственны отточенные техники рукопашного и ножевого боя}, он меня просто недооценил, а когда понял свою ошибку, было уже поздно. Я и сам прекрасно все это понимал, как и то, что в следующей схватке у меня против него шансов будет уже намного меньше. В то же время от предложенного нового поединка отказываться не стал. Пусть шансы на победу и маленькие, но если есть хоть самый мизерный шанс, то кто сказал, что мне не удастся им воспользоваться? Иногда мне кажется, что мои учителя кали больше всего хотели научить меня именно этому – умению побеждать, используя любой, пусть даже самый крохотный шанс.

В тот момент, когда мы с Сашей ударили по рукам, договорившись о новой встрече, ко мне и подошла эта парочка. Надо сказать, что ребята эти в нашем бойцовском клубе, среди немалого количества мастеров самых разных школ, вовсе не выглядели чужеродными элементами. Более того, при желании они смогли бы здесь проявить себя очень даже неплохо. Но тогда им было не до этого, они были на работе, и я был частью их работы.

– Сергей Константинович, можно вас на минутку? – спросил тот, что постарше.

Терпеть не могу, когда меня называют по имени-отчеству, но, видно, такие у них были инструкции, и я в ответ только кивнул головой.

– У нас очень деликатное поручение. Наш шеф, очень известный в стране человек, хотел бы встретиться с вами по одному важному делу.

– А фамилия у вашего шефа есть? – я не то чтобы грубил, просто устал и хотел быстрее покончить со всеми церемониями.

– Есть, – ответил тот, что помоложе. И назвал фамилию.

Я удивленно присвистнул. Это было серьезно. Человек этот (назовем его, например, Д.) был из той когорты представителей делового мира, которую периодически приглашает в Кремль на посиделки. И что ему понадобилось от обычного частного проводника-гида по разным там Азиям? У меня бывали периодически клиенты, скажем так, хорошо обеспе-

ченные, но люди уровня Д. обычно путешествуют по-другому. Что же тогда ему от меня нужно? Об этом я и спросил его посланников.

– Он сам вам все расскажет. Мы на это не уполномочены.

«Что же, придется ехать» – подумал я. Если откажусь, то потом же умру от любопытства, так и не узнав, что Д. от меня понадобилось. Да и ребята настроены были решительно, видно, приказано было им доставить меня во что бы то ни стало. Ссориться с ними никакого желания не было.

– Хорошо. Когда и где?

– Прямо сейчас. Мы отвезем вас.

Через час я уже сидел за одним столиком с Д. в широко известном в узких кругах ресторане «Геолог», что на Солянке. В последнее время в Москве появилось много таких точек общепита, где обыгрывалась ностальгия по Советскому Союзу. Соответствующий интерьер, меню, музыкальное сопровождение и, добро пожаловать в прошлое. И сидели тут за столиком те, кто в том прошлом растаскал по кусочкам осколки огромной страны, потому как обычному человеку в этом заведении было делать нечего – ценник был очень уж негуманный.

Д. встретил меня не сказать что радушно (да и с какой стати?), скорее по-деловому, пожал руку и пригласил за стол. От ста грамм настоящей сибирской настойки я отказываться не стал, да и от кедровых орешков, которые в этом заведении присутствуют на каждом столике, тоже. Некоторое время Д. внимательно изучал меня под, исполняемую тремя мужичками таежно-бардовского вида, песню Визбора о Серге Санине, которому так легко под небесами. Я отвечал ему тем же. Хотя чего его изучать? Матерый хищник. Другие редко забираются на такие высоты. Да, появились манеры. Да, подвергся в какой-то степени окультуриванию. Да, научился контролировать свои эмоции и чувства. Но жесткую агрессивную породу не скроешь от внимательного взгляда

– Вы, наверное, в недоумении, зачем я захотел вас увидеть, не так ли? – Д. решил перейти к делу.

Я не стал отрицать очевидное.

– Дело в том, что мне очень нужна помощь человека, не просто знающего Таиланд, а прекрасно его знающего. И о вас говорят, что вы один из лучших. Это во-первых. И во-вторых, желательно, чтобы у этого человека был опыт работы в правоохранительных органах. И надо же, опять это про вас. – Видя, что я собираюсь что-то возразить, он жестом меня остановил и продолжил: – Я прекрасно знаю, что вы давно уже не при делах, но в свое время вы были на отличном счету. И думаю, что никуда ваши способности не делись. Вот и проявите их, естественно – за более чем хорошее вознаграждение.

– А давайте вы мне расскажете в чем, собственно говоря, дело и тогда я уже вам скажу, смогу я вам помочь или нет? – я не мог принять предложения, не зная подробности. Для откровенного криминала у Д., я так думаю, хватает работников «ножа и топора», здесь идет

речь о чем-то другом. Но хотелось бы знать о чем прежде, чем соглашаться. Очень уж опасен этот человек.

– Хорошо. – Д. поднялся и жестом пригласил меня следовать за ним. Мы забрались в стоящий посреди зала вертолет, в котором уже был приготовлен для нас обед. На обычном ящике, накрытом газеткой стояли две тарелки с гречневой кашей, две банки консервов «Завтрак туриста» и, конечно же, графинчик с ежевичной настойкой. – Но давайте мы вначале перекусим.

Отчего же не перекусить? Люблю хорошо покушать, да еще и под хорошую музыку. Певцы в этом ресторане были хорошие. Очень уж душевные. Да, они вынуждены развлекать здесь тех, чья музыка в лучшем случае Лепс и Стас Михайлов. Но делали это вдохновенно, вкладывая душу в песни былых времен, исполняя больше для себя, чем для тех, кто не отличит Визбора от Городницкого, а Галича от Берковского.

Впрочем, долго наслаждаться бардовскими хитами мне не пришлось. Каждая минута моего собеседника стоила не одну тысячу долларов и, откушав немного обеда советского геолога, он, отложив столовые приборы и перешел делу.

– Знаете, Сережа, – доверительно (точнее, сделав вид, что доверительно) обратился ко мне Д., – дело это во многом личное и для меня довольно-таки болезненное, потому что погиб достаточно близкий мне человек – мой племянник. Его убили. Несколько дней назад его труп обнаружили в одной из гостиниц Бангкока. Полиция, конечно, образно говоря, землю роет, стараясь найти убийцу, но пока никаких результатов. Насколько мне известно, а известно мне, как вы понимаете, все, что известно полиции, никаких следов не было обнаружено. Ни одной зацепки и по поводу мотива убийства. Никаких свидетелей. Короче, как говорят ваши бывшие коллеги, «висяк». Но у меня вот где-то внутри есть такое ощущение, что тайские полицейские все-таки что-то упускают. Может, какую-нибудь мелочь, какую-нибудь маленькую деталь. И я хочу, чтобы вы попробовали найти упущенное. И найти того, кто это сделал. А дальше уже будет моя забота, – произнося последние слова, Д. на миг ослабил уже, видимо, автоматический самоконтроль, и буквально на секунду на поверхности показались его настоящие чувства – боль от утраты близкого человека и беспощадность к тому, кто это сделал. А затем снова маска вернулась на место, и он продолжил: – Я не так уж и много общался с младшим сыном моей сестры, но Олег мне нравился. Толковый был парень, своеобразный, конечно, но у кого сейчас нет тараканов в голове? Ну, у него они были не самые страшные. Просто любил пацан ездить по миру в одиночку. Говорил, что так ему легче совершить погружение в иную культуру. Ну, вот и допогружался.

За годы собственных странствий и, кстати, тоже частенько одиночных, я встречал немало таких молодых людей. В большинстве своем они мне нравились отношением к миру и собственному месту в нем. Я весьма скептически настроен относительно современного общества, но эти молодые люди являли собой пример того, что у него еще есть какой-то шанс, а о шансах я уже говорил.

Д. и его люди хорошо всё рассчитали. Во-первых, меня очень задевает за живое, когда погибают совсем молодые люди, способные привнести в этот мир любовь и творчество (именно таким мне показался Олег). И, во-вторых, во время моей работы в правоохранительных органах у меня уже был похожий случай. То дело мне не дали раскрыть из-за того, что оно задевало интересы власть имущих. Собственно, это и была одна из причин моего ухода

с прежней работы. И вот похожий случай. И личная заинтересованность могущественного человека, которая делает невозможным отступление.

– Я попробую, – ответил я, после недолгой паузы. – Естественно, я не могу гарантировать результат, но могу обещать одно: приложу все усилия.

– Это все, что от вас требуется, – сказал Д. – Все финансовые затраты я беру на себя, все, что вам необходимо для дела, будет предоставлено. Всю информацию по делу, которую мы имеем, вам предоставят мои помощники – Д. кивнул в сторону уже знакомых мне крепких. – Когда вы сможете вылететь в Бангкок?

– Завтра. – Ничего, что держало бы меня в Москве, не было, и я собирался приступить к расследованию как можно быстрее.

Д. взглянул на часы, демонстрируя, что время, выделенное им на этот разговор заканчивается. Он поднялся, мы пожали друг другу руки, и Д., выбравшись из вертолета, направился к выходу из зала. Я же пересел за другой столик и начал изучать документы и фотографии, предоставленные мне помощниками Д.

Д. был прав. Дело действительно походило на «висяк». Никаких зацепок. Но мой прошлый опыт подсказывал мне, что так просто не бывает. Искали, конечно, хорошо. Но, может, просто не там искали? В любом случае нужно разбираться на месте.

Глава третья

Кхаосан – Мекка для бэкпекеров. Полицейский участок. Лейтенант Супат Пиукэу. Кто задушил Олега?

И вот я в Бангкоке, пробираюсь через бэкпекерский {бэкпекеры – самостоятельные путешественники, чей бюджет относительно ограничен, а размер рюкзаков может вызвать священный трепет у обычного туриста} водоворот по культовой в среде путешественников улице Кхаосан. Некогда потерянная в серпантине улиц столицы, Кхаосан роад, служившая пристанищем для торговцев рисом, расцвела после того, как по ней прошелся герой Леонарда Ди Каприо из фильма «Пляж». С тех пор, чтобы пересечь эту, не такую уж и длинную, но значимую улицу, приходится все время уворачиваться не только от интернациональной молодежи разной степени нетрезвости и тайских девочек разной степени привлекательности, но и от десятков макашниц {передвижные жаровни} со всякой съедобной всячиной, и от празднующихся пакетных {отдыхающих по путевке} туристов, глазающих на весь этот «Содом и Гоморру». Сотни торговцев улыбаясь, заманивают в свои лавки. Сотни зазывал приглашают покушать, выпить, повеселиться, сделать массаж, купить что-то нужное и ненужное.

Человек мало знакомый с разного рода альтернативными образами жизни, попадая на Кхаосан, бывает зачастую шокирован. Кого здесь только нет. Панки, хиппи, растаманы, артистическая молодежь, музыканты, художники, разного рода фрики, и прочие-прочие, о которых даже я, бывает, мало, что могу сказать. Кхаосан – это мекка свободного мира, мира нью-эйдж и Боба Марли, мира без границ на планете и без границ в сознании. Я не могу сказать, что я в полном восторге от этого места. Тут много и того, что относится к изнанке города. Но я это место принимаю, радуюсь ему и с любопытством за ним наблюдаю – здесь чувствуется пульс города.

Жить я предпочитаю неподалеку. Не на самой Кхаосан – уж очень там шумно, а в пешей доступности – или на Сой Рамбуттри, или где-нибудь у реки Чхао Прайя. Это хороший район – относительно спокойный и с разумными ценами на жилье. А еще он относится к историческому центру, и отсюда «рукой подать» до множество замечательных мест города.

Правда, место, в которое я направляюсь сейчас, вряд ли можно назвать замечательным. Это полицейский участок, находящийся в непосредственной близости от Кхаосан. Для работающих там полицейских эта территория с одной стороны достаточно беспокойна. Любое туристическое место привлекает множество тех, кто заинтересован в отъеме денег у иностранцев. С другой стороны, работая на этом участке, можно существенно улучшить свое материальное положение. Ни для кого уже не секрет, что тайские полицейские «крышуют» всё, что только можно «крышевать».

В 18:00 в этом полицейском участке меня ждал лейтенант Супат Пиукэу, занимавшийся расследованием обстоятельств смерти Олега Игнатьева (деньги и связи Д. обеспечивали мне режим наибольшего благоприятствования со стороны тайской полиции). Я надеялся, что мне удастся разузнать у него что-то новое, чего не было в тех материалах, которые мне были предоставлены в Москве.

Тело Олега было найдено в номере гостиницы «Гранд Рамбуттри Вилладж». Он прилетел в Бангкок из Джакарты рейсом «Эйр Эйжи» 17 октября. Труп его был обнаружен утром 20 октября. Экспертиза установила, что смерть наступила 19 октября около полуночи. Путешественника задушили. Никаких следов в номере найдено не было. Преступник или преступники за собой тщательно все убрали. Никаких сведений о похищенных вещах тоже не было. Во всяком случае дорогой ноутбук, цифровая фотокамера и мобильный телефон, так же как и приличная сумма наличными, остались при убитом.

Всё это было очень странно. Кому понадобилось убивать парня? Если его хотели ограбить, то почему ничего не взяли? Если убийство было совершено во время ссоры в состоянии аффекта, то почему нет никаких следов, как правило в этом случае остающихся. Кто-то хладнокровно уничтожил все улики. Похоже, убийство планировалось заранее.

Глава четвертая

Знакомство. Тайский язык. «Меня зовут Саке». Осмотр места происшествия. Серебряный браслет и серебряная рупия

Лейтенант Супат Пиукэу для тайца был довольно-таки высок, почти моего роста, а во мне все-таки 180 сантиметров. Короткая стрижка, острые скулы, внимательные глаза и классическая тайская радушная улыбка.

Я поздоровался с ним по-тайски и обменялся еще несколькими вежливыми фразами. Лейтенант поинтересовался, не говорю ли я по-тайски. Увы, мне пришлось его огорчить. Я знаю лишь несколько расхожих фраз и предпочитаю общаться на английском. Видимо, Супату, как, впрочем, и многим тайцам, с которыми мне приходилось общаться до него, пришлось по душе, что фаранг {так тайцы называют белокожих иностранцев. Это не пренебрежительное и не уничижительное название} знает, пусть даже и немного, его родной язык. Его улыбка стала еще более искренней (что было видно по образовавшимся у уголков глаз морщинкам), и он перешел на английский, которым владел довольно неплохо.

Я представился как СакЕ. Тайцам довольно-таки сложно выговорить мое имя (звука «г» у них в языке нет, а «р» им часто просто лень говорить), и я предпочитаю не заставлять их мучиться. Имя Саке они произносят легко и правильно, и я к нему уже давно привык.

Ничего нового Супат мне не рассказал. Поиски преступника пока были безуспешны. Был опрошен весь обслуживающий персонал гостиницы, все, кто хоть как-то мог пролить свет на обстоятельства этого дела. И ничего...

– Могу ли я взглянуть на номер, где все это произошло? – спросил я лейтенанта. Я чувствовал, что мне нужно это сделать. А в таких случаях я привык доверять своей интуиции.

– Вай нот? («Почему бы и нет?») – ответил Супат, и мы отправились в гостиницу «Гранд Рамбуттри Вилладж».

Гостиница эта мне была хорошо знакома. Я и сам в ней, бывало, останавливался. Находится она в очень удобном месте в переулке (Сой) Рамбуттри в двух минутах пешего хода до все той же Кхаосан. Хорошие номера по вменяемой цене и два бассейна на крыше. Были и минусы. Например, необычная для Таиланда отморозенность обслуживающего персонала, которая, впрочем, легко объяснялась большими размерами гостиницы, большим турпотокom и не самой большой зарплатой.

Мы прошли к гостинице мимо нескольких пошивочных ателье (индийские зазывалы предлагали за 100 долларов сшить костюм от Версаче), туристических агентств (тайские зазывалы предлагали любые туры по Таиланду и сопредельным странам), кафешек и ресторанчиков с приятным интерьером с индийской, тайской и европейской кухнями. В них никто ни кого не зазывал, потому как посетителей и так хватало. Номер на втором этаже левого крыла был классическим даблом {дабл – номер на двоих, сингл – номер на одного}. Синглы

в этой гостинице тоже есть, но по причине дешевизны и малого количества почти всегда заняты, вот и приходится даже тем, кто путешествует в одиночку, брать дабл.

Со дня смерти Олега в номере не убирали, видимо полицейские, надеясь на нахождение каких-либо улик не давали добро на уборку. Но с уликами тут было туго. Я прошелся по номеру, осматривая все вокруг. На маленьком журнальном столике лежала парочка книг на русском, путеводитель «Лонели Планет» {популярная серия путеводителей, считается самой лучшей для самостоятельных путешественников} по Таиланду, стопка бесплатных карт Бангкока, Чианг Мая и других мест. Среди этих бумаг была и фотография Олега, сделанная, видимо, в одном из храмов на Бали. Приятной внешности блондинистый голубоглазый парень был запечатлен в традиционной индонезийской одежде.

Я подумал, что это очень несправедливо – умереть в таком возрасте, в тот миг, когда мир раскрывает перед тобой объятия. Печально... Очень печально... Очень мне не нравится невзошедшее судеб. А здесь был именно такой случай.

И тут где-то в моем сознании забилося крохотной птичкой ощущение того, что я упускаю что-то важное. Я еще раз посмотрел на фотографию. И до меня дошло. На левой руке у Олега был серебряный браслет в виде переплетающихся тел драконов. А на фотографиях с места убийства на его руке этого браслета не было, это я помнил точно. Что же получается, убийца не взял ничего ценного, но взял браслет, который стоит, может, и не копейки, но не так уж и много. Интересно... Чем же ценен этот браслет? Или этот след – «пустышка»? Может, он потерял браслет раньше или подарил его кому-нибудь? Как бы то ни было, но проверить не помешает.

Я рассказал лейтенанту о своих размышлениях и поинтересовался, не было ли в других вещах Олега такого серебряного браслета. Вспомнить что-либо по этому поводу он не смог, но пообещал все выяснить.

Я тем временем прошел в ванную комнату. В ней был идеальный порядок, какого просто не бывает в номерах, где живут путешественники, если они, конечно, не страдают тяжелой формой порядкофилии. Похоже, что тот, кто убил Олега, хорошо здесь убрал после совершения преступления. Я еще раз осмотрел ванную комнату и собирался уже уходить, когда вдруг боковым зрением заметил какой-то блеск на полу. Я повернулся и присмотрелся. В сточном отверстии боком застряла монета. Она так естественно сливалась с потертым алюминием решетчатого стока, что неудивительно, что ее никто не увидел. Удивительно было то, что я ее заметил.

Я позвал Супата и показал ему на монету. Жестом фокусника он откуда-то из воздуха вытянул пинцет и осторожно достал ее. Это была серебряная индийская рупия 1847 года выпуска.

Глава пятая

Ошибка авторов путеводителей. Ресторан «Ин лав». Закат над Бангкоком. Озарение. Серебро за серебро. Душител ь. Туги. Пхасингары. Люди петли. Обманщики. Звонок Супата

Этот город называют Городом ангелов. Забавно, что так говорят не только гиды, которые много чего говорят не так, но и авторы путеводителей. И никто почему-то не задумывается над тем, что слово ангел – европейское, христианское. А в буддистском пантеоне нет никаких ангелов, как их ни ищи. Зато есть много других проживающих на небе существ, и поэтому правильный перевод – Город Небожителей.

В этом городе у меня есть не только любимые места, но и любимые ресторанчики. В них, как правило, почти не бывает туристов, их посетители – тайцы и экспаты {экспат – от экспатриант, фаранг, постоянно проживающий в Таиланде}. Один из таких ресторанчиков с романтическим названием «Ин лав» находится на берегу реки Чхао Прайя прямо у пирса «Мост Рамы Седьмого».

Я уселся за столик на открытой террасе второго этажа, заказал 50 граммов виски с содовой, традиционный суп Том Ям Кунг {кисло-острый суп с креветками – самое популярное блюдо тайской кухни} и не менее традиционный Кхау Пхад Кунг (жареный рис с креветками) и задумался. Где-то внутри меня уже был ответ о взаимосвязи пропавшего серебряного браслета и серебряной монеты, найденной в номере Олега. Мне нужно было только извлечь его оттуда. Сказать-то легко, а как сделать?

Но есть у меня один фирменный способ. Нужно на время переключиться с ментального уровня на какой-нибудь другой. Например, как говорят мои друзья йоги, «выгулять свое астральное тело», то есть постараться получить как можно больше телесно-чувственных удовольствий. С этой целью я и собирался хорошо покушать, немного выпить и полюбоваться закатом над рекой Чхао Прайя.

Когда солнце утащило за собой последние оранжевые пятна с тучных облаков Бангкока, а мое виски напоминало о себе приятной истомой во всем теле, я попросил счет:

– Чек бин, плиз {чек бин – несколько измененное «чек бил» – популярная в Таиланде просьба принести счет}, – я помахал рукой кучке девушек-официанток, которые что-то живо обсуждали.

Прибежавшая на зов девушка сияла улыбкой. Весело тряхнув головой так, что длинные серебряные сережки в ушах слегка ударили ее по щекам, она быстренько отстучала на калькуляторе сумму моего ужина. Что-то в ней заставило меня посмотреть на нее еще раз. Маленькая, худенькая, как большинство таек, и такие большие, прямо-таки несурзные серьги. Серебряные серьги. Серебряный браслет. Серебряная монета. Серебро за серебро.

Туги. Пхасингары. Люди петли. Душител ь, которые забирают у жертвы кроме жизни только одно – серебро.

Туги, или, как их еще называют, пхасингары («душителю»). Секта этих поклонников Кали появилась в Индии в Средние века. Убийства путешественников они совершали не с целью наживы, а как своеобразные ритуалы поклонения грозной богине. Несколько веков туго-обманщики (слово «туго» переводится как «обманщик») наводили ужас на жителей Центральной и Восточной Индии, истребляя не только одиноких путешественников, но и целые караваны. По некоторым данным, ими было убито более двух миллионов человек, цифра, кажущаяся просто невероятной.

По той причине, что туго были не просто бандитами с большой дороги, а религиозными фанатиками, властям справиться с ними было очень сложно. Секта была глубоко законспирирована, даже ближайшие родственники не знали о том, что их отец, муж, сын, племянник и т. д. являются пхасингарами. Если же кого-то удавалось задержать, то товарищей своих душитель, как правило, не выдавал, предпочитая мучительную смерть предательству.

Своих жертв туго обманом заманивали в укромные места и, нападая сзади, душили румалом – священным платком, представлявшим собой желтую шелковую ленту длиной около метра с грузиком (чтобы было легче сломать хрящи гортани). Сам процесс убийства именно с помощью удушения был связан с тем, что им нельзя было проливать человеческую кровь, кроме особо важных и страшных ритуалов.

Были среди путешественников и те, кого душить они не имели права: брахманы (жрецы), неприкасаемые, беременные женщины, дети, люди с разного рода уродствами и представители тех каст, которым покровительствовала богиня Кали, например плотники. Если им в руки попадала какая-то добыча, то единственное, что они могли сделать – пожертвовать ее в храм богини Кали (а тех, кто этого не делал, жестоко карали). Себе же можно было оставить только серебряные вещи и украшения. Когда их накапливалось довольно-таки много, душитель обязан был отлить из серебра ритуальную мотыгу.

Люди петли терроризировали Индию примерно до середины девятнадцатого века, когда англичанам все-таки удалось с ними покончить (или, точнее, почти покончить). Для этого колонизаторы использовали самые жесткие меры, не гнушаясь ничем: ни пытками, ни обманом, ни подкупом. Как бы то ни было, но считается, что в современной Индии душителей-тугов нет. Хотя некоторые сомнения по этому поводу высказывают многие знатоки этой страны.

Но здесь, в Бангкоке? Откуда? Если считается, что и в Индии их уже давно нет, а откуда им взяться здесь?

И что мы имеем в пользу этой версии? Одни мои догадки и косвенные улики. Во-первых, туго убивали путешественников. Во-вторых, в качестве грузика для священного платка румала, которым и душили жертв, обычно использовали серебряные рупии. И в-третьих, в качестве добычи для себя они имели право забирать только серебро. Но что на это скажет тот же лейтенант? Скажет, что это бред сивой кобылы, и, возможно, будет прав. А может, и нет.

И тут раздался звонок моего мобильного телефона. «Легко на помине», – подумал я, увидев, что звонит Супат.

Глава шестая

Адреналиновое мото-такси. Задушенный фаранг. Бремя пассажира. Сукхвумит Сой 3 или арабское гетто. Осмотр места убийства. Камбоджийцы под яббой. Искусство Кали в действии. Остаться в живых и оставить в живых

И тут раздался звонок моего мобильного телефона. «Легок на помине», – подумал я, увидев, что звонит Супат.

– Вы можете сейчас подъехать в наш полицейский участок? – спросил он. – Кое-что произошло.

– Буду через десять минут – ответил я, и отправился на поиски мототакси. Адреналиновая, конечно, это штука – мототакси (очень уж гоняют быстро), но когда в городе пробки, это чуть ли не единственный способ вовремя добраться туда, куда нужно.

Как оказалось, на этом мое путешествие по вечернему Бангкоку на мото-транспорте не закончилось. Лейтенант ждал меня возле полицейского участка, облокотившись на двухсотпятидесятикубиковый полицейский мотоцикл «Тайгер Боксер». Похоже, улыбка с его лица не сходила никогда. Правда, в этот раз она была встревоженная.

Он протянул мне мотоциклетный шлем:

– Нам надо проехать на Сукхвумит Сой 3. Там возле кхлонга* обнаружено тело задушенного фаранга. Это, конечно, не мой участок, но, думаю, проблем с получением информации и осмотром места происшествия не будет.

Похоже, события начинают развиваться стремительно.

Супат оказался еще более азартным и искусным водителем, чем мототаксер, доставивший меня на Кхаосан. Правда, и водители всех видов транспортных средств увидев полицейский мотоцикл, с включенной мигалкой и сиреной, сразу же уступали нам дорогу. Так быстро я по Бангкоку не передвигался еще никогда. Надо сказать, что я и сам люблю погонять на разной мототехнике и особенно в горах. Но вот быть пассажиром – не самое приятное занятие, сам ничего не контролируешь и надеешься только на водительское мастерство.

Сукхвумит Сой 3 – это переулок, находящийся практически напротив четвертой «сойки» {сойка – сой – перулок}, которая, в свою очередь, считается одним из самых известных кварталов ночных развлечений в Бангкоке. Именно здесь находится На-на плаза – место сосредоточения гоу-гоу баров. А потому фарангов в этом районе всегда очень и очень много. Третью же «сойку» часто еще называют арабским гетто, поскольку здесь в большом количестве останавливаются жители стран ближневосточного региона.

Скажу по секрету, я жутко положительный малый, но есть у меня и недостатки. Один из них – присущий мне избирательный шовинизм (умеренный). Почему избирательный? Да потому что я, например, люблю азиатов и в то же время не испытываю особых симпатий к арабам, чернокожим и индийцам (что несколько парадоксально при моей глубокой любви к Индии). Именно поэтому Третья сойка Сукхвумита для меня терра инкогнита.

Но и в этот раз изучить это место не удалось, поскольку мы проехали скопление гостиниц, магазинов, баров и массажных салонов и остановились возле небольшого пустыря неподалеку от кхлонга. Возле него уже стояло несколько полицейских машин. К месту происшествия нас пропустили беспрепятственно.

Собственно говоря, осматривать было уже нечего. Тело жертвы было уже погружено в специальный полиэтиленовый пакет, а место, где произошло убийство, тщательно, чуть ли не ползая по земле и освещая все вокруг мощными фонарями, изучали полицейские. Но, судя по всему, ничего стоящего найти не удавалось.

Это подтвердил и лейтенант. Он успел переговорить с коллегами и те рассказали ему, что пару часов назад проходившие мимо этого пустыря три девушки, работающие в баре «Притти леди» на На-на плазе (ох, как музыкально получается – на На-на), увидели как двое мужчин тащат что-то похожее на человеческое тело. Преступники, обнаружив, что их заметили, бросили свою ношу и убежали в сторону кхлонга. Рассмотреть их девушкам не удалось, было темно, да и расстояние до них было приличное. Подойдя ближе, девушки обнаружили, что это труп фаранга, и сразу же вызвали полицию. По первым прикидкам экспертов, белый мужчина, среднего телосложения, в возрасте около тридцати пяти лет был задушен чем-то напоминающим удавку.

У меня сомнений уже не оставалось. Это туги. Правда, парочка фактов мне не помешала бы. А фактов было мало. Тем не менее я рассказал Супату о своих догадках.

К моему рассказу он отнесся серьезно. Но, как и большинство людей в мире, он мало что знал об индийских душителях.

– Вы не могли бы мне рассказать об этих людях? – обратился он ко мне.

– Конечно, могу. Но я тоже не слишком большой специалист в этом вопросе, поэтому расскажу то, что знаю, а это не так уж и много – ответил я и приступил к рассказу.

Лейтенант слушал меня очень внимательно и по окончании моей речи сказал, что сейчас отвезет меня к моей гостинице, а затем покопается в архивах на предмет нахождения информации о тугах.

– Отлично, – сказал я и добавил: – Вы можете попросить коллег, которые будут вести расследование убийства этого фаранга, держать нас в курсе дела? И пусть они узнают, не было ли у этого парня каких-либо серебряных украшений?

– Я уже попросил их обо всем этом, – ответил Супат.

Через десять минут он высадил меня у моей гостиницы и, пожелав «Ратри сават» («Спокойной ночи»), отправился к себе в участок. Мне же спать не хотелось, и я

решил прогуляться к реке. Срезая дорогу, я переходил один из кхлонгов по узкому пешеходному мостику, когда навстречу мне вышли двое. Среднего роста, лица черные, глаза навывкате (похоже, под яббой {ябба – метамфитаминный наркотик}), в руках внушительного размера мачете.

Лет семь назад я, возможно, и испугался бы. Но после того, как вследствие одной загадочной истории (может, когда-нибудь и расскажу) я прожил три года в семье лучшего филиппинского мастера боевых искусств и все эти три года ежедневно и еженощно* практиковал кали (эскрима, арнис), меня уже не испугают и пять камбоджийцев (а то, что это были не тайцы, я понял сразу) с мачете. И хотя ребята были настроены серьезно и живым меня видеть явно не хотели, у меня были другие планы. Жаль только, не получалось оставить в живых их обоих. Не хватало места. Мостик был узенький, мне просто негде было развернуться. И я, не мудрствуя лукаво, подставил одного из них под удар мачете товарища, а затем занялся им самим. Несколько секунд, и все было закончено. Это в кино дерутся долго. Реальный бой короткий, неэстетичен и страшен.

До этого мне приходилось убивать. Тогда я защищал других людей от религиозных фанатиков. Сейчас – защищал себя. Была бы возможность я бы оставил в живых и второго. Не вышло. Еще один груз на карму.

Я позвонил Супату, и через пять минут к мостику подъехало несколько полицейских машин. Из одной из них выбрался лейтенант.

– Похоже, нам сегодня не суждено расстаться, – с неизменной улыбкой на лице, несколько неуместно, пошутил лейтенант. – Вы в порядке?

– Я – да. А вот этому парню повезло меньше – я кивнул в сторону мертвого бандита. – Но второй жив и почти здоров. Очень хотелось бы знать, кто им поручил меня убить.

– Может, это была попытка ограбления? – высказал предположение Супат.

– Вы сами верите в то, что говорите? – в свою очередь спросил его я. Лейтенант пожал плечами и отдал команду подчиненным доставить живого бандита в участок и не спускать с него глаз.

Примечания:

Кхлонги – сеть каналов, опутывающая Бангкок. Раньше, когда их было значительно больше, Бангкок называли Венецией Юго-Восточной Азии. Многие кхлонги были засыпаны по той простой причине, что земля в центре города имеет очень большую ценность.

Еженощно практиковал Кали – Помню, Анджел привел меня ночью к реке и говорит: «Твоя задача – перебраться на тот берег». А я и днем в эту реку, кишевшую змеями и крокодилами, не полез бы, а тут ночью. Но пришлось. Шрамы от зубов крокодила у меня до сих пор видны на левой ноге, а три змеиных укуса были нейтрализованы каким-то местным противоядием. А сколько в ту ночь у меня появилось седых волос (тогда они – волосы – у меня еще были)...

Глава седьмая

Правильный завтрак. У дедушки с бабушкой. Праздник вкуса. Загадки без отгадки. Покровители душителей. Звонок Д. Переписка с другом. Пандит Чидамбарам. Билет до Варанаси. Индийская виза

Чтобы день в Бангкоке прошел правильно, нужно начать его с правильного завтрака. Что? Какой еще американский завтрак в отеле? Пусть сами американцы давятся своими тостами и беконами, – это их путь в еде. А мы пойдем другим путем.

Отойдем немного в сторонку от туристических мест. В одном из тихих кварталчиков неподалеку от района Дусит* есть уличная кафешка для тайцев. Я ее называю: «У дедушки с бабушкой». Они там за главных. Работают-то в ней все: и дети, и внуки, но представительские функции возложены на дедушку. Он всех встречает радушным «Саватди кхап» и демонстрирует блюда. Меня он уже узнает, и зная, что ем я только одно блюдо, дает команду принести для меня рыбу в соусе карри. И я не просто ем, я устраиваю праздник для своих вкусовых рецепторов. Надо сказать, что соус карри весьма распространен по всей Азии, но ни в одной другой стране, нигде больше я не находил настолько подходящего именно мне.

Я завтракал и думал о событиях предыдущего дня и предыдущей ночи. С задержанием напавшего на меня бандита дело не закончилось. Когда мы с Супатом подъехали в участок, камбоджиец (а то, что на меня напали камбоджийцы, подтвердили и полицейские) был уже мертв. Сам он повесился или ему помогли, предстояло выяснить. Но уже было ясно, что в окружении лейтенанта есть человек, работающий на таинственных преступников.

А вот загадок было много... Как так получилось, что преступников, убивших Олега, никто не видел? Как они попали к нему в номер? Судя по всему, он пустил их сам. Понятно, что туги – это, в первую очередь, обманщики, но как они могли втереться к нему в доверие?

И почему раньше таких убийств в Бангкоке не было? Нет, душили здесь люди себе подобных периодически, как и в любом другом городе. Но ничто до этого не указывало на тугов. Практически все случаи убийств с помощью удушения были на бытовой почве.

Какой вывод? А такой: преступники появились здесь не так давно и только начали свои ритуальные убийства. Или, может, раньше им удавалось скрывать содеянное лучше? Имеет смысл попросить Супата проверить информацию о пропавших без вести путешественниках. А также об индийцах, прибывших в Таиланд из Индии за последние пару месяцев.

И еще. Это не просто залетные убийцы. Как только появился кто-то, кто высказал предположение о душителях-тугах, сразу же этого кого-то (то есть меня) решили убрать. У преступников имеется хорошее прикрытие. Причем, на самом высоком уровне. Очень огорчительный, надо сказать, фактор. Будет непросто не только докопаться до истины, но и привлечь убийц к ответственности. Впрочем, последнее – это уже задача не моя, а Д.

Только я подумал о моем нанимателе, как он позвонил. Я вкратце поведал ему о своих догадках. Он спросил не нужна ли мне охрана (видимо, уже получил информацию о неудав-

шемся покушении на меня)? Я поблагодарил его и отказался. Д. пожелал мне удачи и на этом наш короткий разговор закончился.

Я снова погрузился в размышления. Был еще один важный момент. Нам нужна была более полная информация о душителях. То, что знал я, и то, что удалось найти Супату, могло заинтересовать разве что писателя-беллетриста. Нам же необходимо было больше конкретики, больше подробностей и деталей.

Я не большой фанат технического прогресса, но в данном случае его плоды мне на руку. Не выходя из кафе, я вышел в информационное пространство. Нужный мне человек в это время тоже находился в Интернете, правда, на другом конце земного шара.

Я начал переписку: – Привет!

– Привет, – ответил Саша!

Саша – мой хороший приятель, путешественник, крупный специалист по Индии. Знаю его уже очень давно и понимаю, что если, кто и может мне помочь узнать что-то о душителях, то именно он.

Я набрал на клавиатуре следующую фразу:

– Как жизнь? Где ты?

– В Мексике. В гостях у родственников Алии.

С Алией – мексиканской танцовщицей, ставшей его женой Саша познакомился в горах Северного Таиланда в маленьком городке Пае – популярном туристическом месте.

– Супер! – продолжил я.

– А ты где? – отозвался Саша.

– Бангкок. Нужна твоя помощь.

– Чем могу, помогу.

– Мне нужно встретиться с кем-либо, кто имеет наиболее полную информацию об индийских тугах-душителях.

– Ого! Ты серьезно? – добавленные к тексту смайлики выражали удивление моего друга.

– Вполне.

– Где встретиться? В Таиланде?

– Было бы неплохо.

– Не получится. Там нет таких людей. В Индию надо.

– Ок! Ты знаешь кого-нибудь? – поинтересовался я.

– Ага. В Университете Варанаси*. Доктор Паланьяппан Чидамбарам. Передашь ему привет от меня, и, думаю, он тебе поможет.

– А с ним можно как-то по Интернету связаться, по Скайпу поговорить?

– Вряд ли. Он классический пандит*, приверженный традиции. Выучить наизусть Веды* – это его, а работа с компьютером – для этого есть молодежь.

– То есть надо ехать?

– Если для тебя это важно, то – да. Зачем тебе это всё, кстати?

– Расскажу как-нибудь. И желательно при личной встрече. Ты же не навсегда в Мексику?

– Думаю, что нет.

– Тогда, надеюсь, скоро увидеть. Спасибо огромное за помощь!

– Ага. Удачи! И ты там, это, поосторожней с этими пхасингарами – пожелал мне Саша напоследок.

Так, надо, похоже, собираться в дорогу. Я позвонил Супату, рассказал ему о том, что собираюсь делать и попросил его, если это возможно подготовить для меня копии всех документов по этому делу. Он не возражал, напротив – был уверен, что это может помочь нашему расследованию. Мы договорились встретиться с ним в участке через полчаса. За это время мне нужно было решить как добраться в Варанаси. Насколько мне было известно, прямых рейсов из Бангкока в этот самый древний город на Земле просто нет, то есть лететь придется с пересадкой. И по всему выходило, что самый удобный вариант – через Калькутту.

С билетами я разобрался быстро. Десять минут и оба билета образно говоря «у меня в кармане». Стыковка была удобная – между рейсами всего полтора часа. Из Бангкока я вылетал вечером, а в Варанаси должен прилететь утром.

Но это было не самое сложное. Гораздо сложнее, почти невозможно получить за один день индийскую визу в Бангкоке. Но это, если законным путем. А если незаконным, то можно предложить денег кому-то из консульских работников. Но это может не сработать – деньги возьмут, а результат не факт, что будет. А вот если заплатить нужному человеку очень хорошо, то, думаю, проблем не будет. Но найти такого человека и дать ему столько денег, чтобы он не смог отказаться – это уже не моя задача. Я позвонил Д. Он выслушал меня и пообещал, что сделает всё возможное.

Примечания к седьмой главе

Дусит – район Бангкока, в котором находится комплекс королевских дворцов, Тронный зал, важнейшие административные учреждения страны.

Университет индуизма Варанаси – одно из лучших высших учебных заведений в Индии. Основан в 1916 году.

Пандит – с санскрита переводится как «ученый». И означает, собственно – ученый брахман.

Веды – древний сборник священных текстов индуизма. Четыре основные Веды – Ригведа, Яджурведа, Атхархаведа, Сомаведа. Издавна передавались в устной форме. Среди приверженцев традиции такая передача этих текстов существует до сих пор.

Глава восьмая

Ананасовый шейк. Щуплый индеец в цветной рубаше. Ронг-пхак. Суай в полицейском участке. Тайский буддизм. Благословение Учителя. Предупреждение. Леди-бой с пистолетом

В начале Сой Рамбуттри рядом с гостиницей, в которой убили Олега Игнатьева, я остановился у лотка с ананасами. Делу – время, но и потехе – час. Свежий ананас, взбитый со льдом и сиропом, – неплохое развлечение в полуденном зное мегаполиса.

Я расположился с шейком на ступеньках здания, и тут же был атакован невесть откуда взявшимся индийцем. Щуплый, лет двадцати, в распахнутой чуть ли не до пупа цветной рубаше. Обычно ко мне подобные персонажи не пристают, что-то их в моем облике отпугивает, но тут или я, наслаждаясь шейком, сделался слишком благодушным, или индеец был чрезвычайно смел.

– Сэр, лучшие ткани, лучшие модели костюмов от ведущих мировых производителей, только для вас! И все это по самой низкой не только в Бангкоке, но и во всем мире цене! Только в нашем ателье! Очень дешево! Очень быстро! Заходите к нам, сэр! – завлекала хотел было схватить меня за руку, и потянуть за собой, но вовремя остановился.

Я внимательно посмотрел на этого индийского мальчика. Мало кто выдерживает такой мой взгляд, не выдержал и он. Только прежде, чем малец отвел глаза, я успел заметить в них что-то такое неприятное, темное. Ну и бог с ним, главное, что после этих гляделок он без слов удалился охмурять очередного фаранга. А я, допив свой шейк, бодро (насколько это, конечно, возможно в расслабленном Таиланде) зашагал к полицейскому участку.

Если вы думаете, что полицейские участки в Таиланде похожи на наши родные районные отделения милиции-полиции, то вы ошибаетесь. Общее только в том, что и там и там работают с правонарушителями, а в остальном... И даже коррупция в Сиаме имеет человеческое лицо, в отличие от звериного ее оскала на моей родине.

Тайский полицейский участок вполне соответствует мировоззрению тайцев. В нем удобно и комфортно не только самим полицейским, но и посетителям. Электронная очередь, телевизор и, достаточное для всех количество стульев. На тайском полицейские участки называются ронг-пхак, что переводится как «помещение отдыха». Забавно, не так ли?

На стене, над окошком дежурного офицера надпись большими буквами: «Работаем для народа, для его безопасности, не пасуем перед препятствиями, защищаем справедливость». Это вам не про «горячее сердце и холодную голову чекиста». Есть и наглядная агитация в виде стенда с фотоотчетами: «Поимка банды наркоторговцев» (доблестные полицейские на фоне грустных бирманцев и лаосцев в наручниках), «Арест группы мошенников» (все те же доблестные полицейские на фоне печальных камбоджийцев, видимо отказавшихся им платить). И кругом цветочки и бонсайчики – суай* в Таиланде остается суаем даже в полицейском участке. Стремление тайцев к окультуриванию окружающего пространства видно даже здесь. Однажды в городе Чианг Мае я проходил мимо какого-то здания, окруженного

забором с колючей проволокой. Забор был очень красиво расписан картинками на тему тайской природы, и пространство вокруг него было тоже облагорожено настолько, что я не сразу и понял, что это городская тюрьма.

Дежурный полицейский провел меня в кабинет к лейтенанту. Тот предложил мне кофе и вручил папку с подготовленными для меня документами.

– Новостей особых нет. – сказал он. И продолжил: – Так, по мелочи. Найденный вчера фаранг – немецкий турист. Из его личных вещей ничего не пропало. По поводу того, были ли у него серебряные украшения, не известно. Коллеги пытаются найти хоть кого-то, кто видел его с теми двумя, но пока безуспешно. Я сориентировал их на поиски индийцев, но их, как вам, наверное, известно, в нашем городе очень много.

Улыбка Супата исчезла лишь на мгновение, но я это успел заметить. Многие тайцы шовинисты еще похлеще, чем я. И все большее количество туристов, а тем более приезжающих на постоянное жительство индийцев, ими совсем не приветствуются.

Сделав секундную паузу, лейтенант продолжил:

– Я обратился с запросом в иммиграционные службы по поводу лиц, прибывших из Индии за последние два месяца, но подготовка этой информации займет какое-то время. – Вдруг он посмотрел на меня пристально и спросил:

– Как вы относитесь к буддизму?

– Я изучаю тайский буддизм и випассану*, – ответил я. И добавил: – Два года назад я провел месяц в Лесном монастыре Там Вуа неподалеку от Мэ Хонг Сона.

Мой ответ, по всей видимости, удовлетворил Супата, и он поделился со мной:

– Я сегодня заезжал в Ват Яннава* к своему Учителю. Рассказал ему об этом деле.

– И что он сказал?

– Он сказал, чтобы фаранг был осторожней и что если мы будем работать в тандеме, то сможем остановить убийц. Но, увы, убийства еще будут.

Так. Фаранг – это я. Уже второй раз меня сегодня просят быть осторожней. Интересно. А то, что убийства еще будут, я тоже чувствовал. Как и то, что убийц нужно остановить как можно быстрее.

Видно было, что если у лейтенанта еще оставались сомнения по поводу нашего с ним сотрудничества, то после визиту к Учителю они развеялись полностью. Тайцы чрезвычайно религиозны. Они впитывают основы буддизма с молоком матери и руководствуются ими всю свою жизнь. Более того, каждый мужчина обязан хотя бы раз в жизни какое-то время провести в качестве монаха. Обычно в монастырь уходят на несколько недель, месяц, два месяца, иногда на год или больше. Кто-то после этого остается монахом на всю жизнь, а большинство возвращаются к обыденной жизни, но при этом имея уже опыт медитативных практик и определенные знания.

Мы еще немного поговорили с лейтенантом, обсудили наши дальнейшие шаги и планы, после чего я собрался было отправиться в гостиницу, но тут раздался звонок мобильного телефона. Звонил Д. Он сообщил, что меня уже ждут в индийском посольстве.

Еще пару часов ушло на получение визы. До вылета оставалось не так уж много времени, но я успевал часик поспать (прошлая ночь была очень уж волнительной).

Только вот пробуждение мое было, в некоторой степени, вынужденное. Сквозь сон я слышал легкий шум за дверью.

«Фарангу нужно быть осторожней» – вспомнил я. – Черт! Против оружия у меня шансов немного. А то, что в этот раз киллер или киллеры будут с оружием, у меня не вызывало сомнений. Прогоняя остатки сна, я скатился с кровати на пол и бросился к журнальному столику, где лежал нож, принесенный мною для очистки купленного утром ананаса. Как раз вовремя. Дверь распахнулась. Миловидная высокая девушка-тайка ступила на порог, всматриваясь в полутьму номера и держа в вытянутых руках пистолет «Глок 19» с глушителем (15 000 батов на рынке в приграничных районах Бирмы). Рисковать я не мог. Пули из этой штуки летят очень быстро, и если не решить проблему кардинальным образом, то у меня могут быть проблемы в виде дырок в теле. Бросок ножа был почти незаметным. Для несостоявшейся убийцы, во всяком случае.

Через пять минут лейтенант с коллегами внимательно рассматривал лежащего в дверном проеме моего номера леди-боя* с пистолетом в руках и ножом в горле.

– А вы опасный человек, Саке, – сказал мой приятель Супат. При этом его неизменная улыбочка не сходила с лица и было видно, что сам он меня совершенно не опасается. – Боюсь, у меня будут проблемы с начальством. Конечно, ваши влиятельные русские друзья помогут, но то, что вы на несколько дней покинете Таиланд, к лучшему. За это время я постараюсь все уладить.

Да я и сам уже был не против на время уехать. Я же не убийца, я не хочу убивать людей, даже если они и преступники. Мягко говоря, мне не нравится, что на меня устроили охоту. И непонятно – в связи с чем? Нет, то, что это связано с расследованием дела, это как раз понятно. Но ведь мы пока совсем не продвинулись в поисках душителей. И что это за душиатели такие, которых так оберегают от поимки, что нанимают киллеров? Вот тут и крылась главная загадка.

Необходимые формальности заняли какое-то время, и, чтобы успеть на рейс, я был отправлен в аэропорт на полицейской машине с включенной сиреной. Похоже, это уже стало для меня традицией. Вот только хорошей ли?

Примечания к восьмой главе

Суай – переводится это слово, как «красота». У тайцев есть ярко выраженное стремление повсеместно окультуривать пространство, при этом не нанося ущерб Природе (последнее, правда не всегда получается). Когда-то один человек, очень уважаемый мною, ныне, увы, покойный, сказал, что культурный человек не тот, кто убирает за собой, а тот, кто убирает вокруг себя.

Випасана – медитация прозрения. Техники работы с психикой, направленные на достижения осознанности.

Храмовый комплекс Ват Яннава – один из важнейших буддистских центров не только

Бангкока, но и всего Таиланда.

Леди-бои: в Таиланде называют катоями или леди-боями и классических транссексуалов (в мужском теле живет душа женщины), и классических транвестистов (тех, кто получает удовольствие от ношения женской одежды), и гомосексуалистов, подчеркивающих свою женственность. Иногда можно услышать мнение, что катой – это мужчина полностью переделанный в женщину, а леди-бой – переделанный частично. Это не так. Катой и леди-бой – эти слова обозначают одно и то же (так же как, к примеру, лобстеры и омары). Слово «катой» кхмерского происхождения, тогда как «леди-бой», как нетрудно догадаться, – английского. Тайцы чаще используют первое слово, фаранги – второе.

Глава девятая

Были ли вы в Индии? Самый древний город в мире. Любимый спорт индийцев. Доктор Чидамбарам. Гхаты Варанаси. Саддху с черепом в руках. Тридцать три сакральных слова

Вы были на Гоа и считаете, что были в Индии? Вынужден вас огорчить: вы в Индии не были. Вы были в Дели, Агре и Джайпуре и думаете, вы были в Индии? И снова нет, вы в Индии не были. Вы были в Гималаях: Дхарамсале, Манали и даже в Лехе, уж вы-то точно думаете, что были в Индии? Но я и вам скажу: нет, вы в Индии не были. Вы были в Варанаси и больше нигде? Да, вы были в Индии.

Каши. Бенарес. Варанаси. Город шокирует. Город пугает. Город обескураживает. Но, когда примешь его таким, какой он есть, он откроется. Один из древнейших городов в мире. Самый священный город в Индии. Город Шивы*. Город великой Ганги. Город великой Силы.

Город, где Жизнь и Смерть под ручку прогуливаются по берегу Великой реки, рассуждая о жизни и смерти.

Город, куда со всей Индии приезжают умирать, и где торжество Жизни чувствуется сильнее, чем в любом другом месте.

Мой приятель, русский путешественник Саша Фролов, как-то рассказывал о том, как он жил в Варанаси в специальных гестхаусах для больных и умирающих людей. Это барачного типа дома с большим количеством комнат, отделенных тонкими перегородками и примитивными удобствами на этаже. Звукоизоляции никакой, и весь процесс умирания соседей ему был слышен очень хорошо. По словам Саши, – это лучшее место для медитации о смысле жизни – все наносное улетает вмиг. И после этого уже невозможно жить как прежде и игры с Вавилоном* и по правилам Вавилона просто заканчиваются.

Этот город по словам Марка Твена «древней, чем сама история»*. Ученые оценивают его возраст примерно в три тысячи лет. По местным легендам городу больше пяти тысяч лет, и я, честно говоря, больше склонен доверять не ученым, а легендам.

Быть кремированным на одном из гхатов (ступенчатые сходы к Гангу) Варанаси мечтает чуть ли не каждый индуист. В этом случае он сразу же попадает в чертоги бога Шивы (обретет спасение, освободится от необходимости снова перерождаться, заслужит хорошее воплощение и тому подобное). Может быть, именно в эти чертоги после смерти отправился и один из участников знаменитой ливерпульской четверки Джордж Харрисон. Его тело после смерти было предано огню в Варанаси, а прах был развеян по Гангу...

Правда, есть и те, кто не подлежит кремации: маленькие дети, беременные женщины, те, кто умер от оспы, проказы или укуса змеи и убитые молнией. Их тела, с заранее привязанным к ногам грузом, обычно бросают в воду на середине реки.

Варанаси – самый священный из всех священных городов Индии, и это особенно ощущается в прилегающих к гхатам кварталам с их узкими улочками, по которым к Гангу стремятся потоки паломников. Даже обычное омовение в великой реке позволяет очиститься от грехов, а если оно еще обставлено соответствующим ритуалом, то тем более.

Но я не собирался ни умирать в этом городе, ни совершать омовение. Мои цели были далеки от возвышенно-духовных, мне всего лишь нужно было найти доктора Паланьяппана Чидамбарам из Бенаресского университета и получить от него нужную информацию о тугах. Фамилия этого ученого мне представлялась хорошим знаком. Дело в том, что из индуистских богов наиболее симпатичен мне бог Шива, а самый знаменитый храм танцующего Шивы находится в Южной Индии в городе Чидамбарам. Более того, это один из самых любимых моих индуистских храмов. Такое вот совпадение.

В аэропорту Варанаси я прошел паспортный контроль и, сразу же отправился на выход, где был атакован парой сотен таксистов, рикшасов (так от слова «Ракшас»* я называю водителей авторикш) и обычных помогайчиков (иностранцы называют их хелперами, а я обычно «хелосэрами», из-за их пристрастия к этому приветствию).

Как вы думаете, какой самый популярный вид спорта в Индии? Знатоки ответят – крикет. Я же думаю, что еще более популярен другой вид спорта, доступный и старому и малому – развод белого лоха (фреш чикен на местном жаргоне*) на деньги. У этого вида спорта явно больше поклонников, чем у всех остальных.

Можно ли этих разводов избежать? Конечно. Но, во-первых, нужно владеть кое-какой информацией обо всем этом, и во-вторых, – уметь правильно себя позиционировать. И тогда вас за реальную цену (которая может быть раз в десять меньше того, что просят изначально) повезут в нужную вам гостиницу, продадут нужную вам вещь и сдадут номер в гостинице.

Сколько стоит проезд от аэропорта до Бенаресского университета, расположенного в южной части Старого города я знал и поэтому нажиться на мне никому не удалось. А черный как смоль (явно дравидийского типа) водитель с пышными усами и грустными глазами за то, что не был излишне навязчив, получил хорошие чаевые.

Доктор Чидамбарам – заведующий кафедрой индийской филологии Бенаресского университета, выглядел так, как я его себе и представлял: классическим индийским пандитом (ударение на «а»). Белые брюки, белая длинная (до колен) рубаша, коричневая безрукавка и белый шарф. Высокий, немного полный, белая кожа (арийское происхождение), добрая улыбка и глаза, в которых можно увидеть многовековую мудрость.

Намастэ*! – поприветствовал я его.

Намастэ – ответил он на мое приветствие.

Дальше последовал обмен фразами вежливости о том, как нам приятно друг с другом познакомиться и только после этого я спросил его:

Я веду расследование серийных убийств в Бангкоке. Есть все основания подозревать, что в них замешаны пхасингары. Саша сказал мне, что вы знаете о душителях всё. Вы можете поделиться со мной этой информацией?

– Саша, хороший молодой человек. Я его прекрасно помню – он удивил меня своим трудолюбием в изучении Санскрита. – погрузился было в воспоминания Чидамбарам, но потом спохватился. – Но всего о тугах не знает никто. Разве что сами душители. А вам я чем смогу, тем помогу. Давайте встретимся через пару часиков, у меня сейчас занятия будут.

Мы договорились встретиться с ним на берегу Ганга у алтаря Вишалакши на Мир Гхате.

Вот так у меня образовалась пара часов свободного времени. Куда направляется человек, у которого есть свободное время в Варанаси? Конечно же, к Гангу. Добравшись до Мир Гхата, я постарался найти местечко, где меня не сильно бы доставали аборигены и, глядя на священную реку, погрузился в размышления. Почему-то думалось не о деле, которое я расследую, а о совершенно посторонних вещах. Видимо, гхаты Варанаси* – отличное место для размышлений об абсурдности общественного устройства нашей цивилизации.

Разве не абсурдно, когда умеющие только бить по мячу семнадцатилетние футболисты получают зарплату в десятки, сотни раз превышающую зарплату заслуженных учителей, всю жизнь дарящих детям тепло своей души и пытающихся их хоть чему-то научить?

Разве не абсурдно, что врачи стремятся заработать на больном, а не вылечить его.

Разве не абсурдно, когда безголосая певичка, грудью, в буквальном смысле, проложившая себе дорогу на сцену, купается в деньгах и славе, а поэты, живущие музыкой сфер, спиваются из-за невостребованности?

Разве не абсурдно, когда гламурные дамочки кривятся от вкуса нескольких тысяч долларов шампанского, тогда как миллионы детей умирают от недоедания?

Разве не абсурдно, когда в галереях и музеях современного искусства выставляются произведения из буквально какашек, а живые настоящие картины, несущие свет, не нужны никому.

Можно привести еще десятки, сотни примеров, свидетельствующих о серьезной болезни современного социума. Но зачем? Что изменится? Для себя я давно уже понял, что с этой цивилизацией мне не совсем по пути. Никуда не деться, я живу здесь, но это не значит, что я обязан играть по общепринятым правилам. Ну, уж нет. Правила игры у меня свои. И Игра своя.

Я прервал размышления, когда увидел, что ко мне направляется колоритный саддху* с толстым деревянным посохом и человеческим черепом в руках. Его покрытые пеплом длинные волосы доставали чуть ли не до колен, во рту дымила трубка, глаза горели огнем, а толстые губы расплывались в широкой улыбке.

– Серега... (следующие тридцать три сакральные слова не приводятся здесь в связи с цензурными соображениями), ты откуда тут взялся? – заорал он на чистом русском языке, до смерти пугая, сидевшего чуть ниже меня в медитации японца и двух голубей, собиравшихся заняться любовью возле все того же японца. – Ну... (следующие сто восемь сакраль-

ных слов здесь не приводятся, по все тем же, цензурным соображениям), как я рад тебя видеть!

Примечания к девятой главе

Город Шивы – именно в Варанаси согласно индуистским легендам один из трех верховных божеств индуизма бог Шива совершил омовение и смыл с себя все грехи.

Вавилон – символ современного западного общества потребления в растаманской культуре.

Варанаси – Варанаси старше истории, старше традиции, старше, чем легенды, и выглядит вдвое старше, чем всё это вместе. Марк Твен

Ракшасы – демонические сущности в индийской мифологии.

Фреш чикен – свежий цыпленок.

Намастэ – традиционное приветствие в Индии. Произошло от слов «намах» – поклон, «те» – тебе. Более глубинное толкование: «Божественное во мне приветствует божественное в тебе».

Гхаты в Варанаси – это не просто ступенчатые спуски к великой реке. Они представляют собой сердце религиозной жизни города – места кремации, древнейшие храмы, места ритуалов и церемоний.

Саддху – странствующие аскеты, стремящиеся достичь освобождения (мокши).

Глава десятая

Дороги Индии. Мой друг Паша. Капалики. Практика лучше теорий. Без чилома не обойтись. Бом Шанкар. Танец облаков. Махадэв. В Кальпу? Медитатор хренов. Трезубец на ладони

Горы, пустыни, джунгли, океан, пляжи, пляжи, пляжи и небо, казавшееся все ближе и ближе. Наши «Роял Энфилды», несущие нас навстречу неизвестности. Падения, разбитые колени и локти, стесанная кожа бедер и скорость, скорость, скорость. Танцы на пляже под открытым небом в Анджуне*, горячие источники Маникарана*, крышесносный касольский чарас*, дорога над пропастью из Нако в Табо, Кумбха-мела в Харидваре, драка с местной гопотой в трущобах Бомбея, женская сборная Швеции по баскетболу в Кочине*, горы и чай Дарджилинга*, квартал Жи-Би Род в Дели, ашрам Шивананды в Ришикеше, гашишная медитация в Кальпе, панчакарма в Керале*, ауровильское разочарование, ром «Оулд Манк» в гоанских шеках, марсианские пейзажи в Хампи*, ретрит в Ладакхе* и много-много-много чего еще.

Мы странствовали с Пашей по Индии на мотоциклах «Роял Энфилд» почти год. Возможно, ездили бы и дальше, но мне по семейным обстоятельствам пришлось вернуться на родину, а Паша остался в Индии. С тех пор я его и не видел. Я был в Индии много раз, но наши пути не пересекались. Мать Индия нас не сводила, а связаться с Пашей было практически невозможно – он не признавал никакую технику, кроме мотоциклетной. Всё остальное (в том числе и мобильные телефоны и компьютеры) еще со времен растаманской юности он считал злобным порождением Вавилона и ничем из этого старался не пользоваться. До меня периодически доходили слухи, что его видели то там, то здесь на бескрайних просторах индийского субконтинента, но самому с ним встретиться мне не удавалось.

И вот встреча. Конечно, узнать в классическом индийском странствующем йоге, с головы до ног измазанном пеплом (и меня, мерзавец, измазал им во время наших дружеских объятий), моего старого друга было непросто, но до того мгновения, когда он открыл рот и выдал на-гора свои сакральные слова. Что-что, а сказать красиво он умел. Что вы хотите, папа заведующий кафедрой филологии Санкт-Петербургского университета, мама – крупнейший в России специалист по «Вильяму нашему Шекспиру». А сын... Сын – странствующий йогин, практикующий ритуалы древней тантрической шиваистской секты капаликов.

Капалики – это йоги, живущие обычно в местах сожжения трупов (шмашанах). Они поклоняются богу Шиве в его наиболее грозных обличьях и совершают ритуалы, так или иначе связанные со смертью, кладбищами, мертвыми телами, кровью, сексуальными практиками.

Честно говоря, я не сильно удивился тому, что Паша решил примкнуть именно к этому направлению духовного поиска. Он всегда был сторонником того, что практика лучше любых теорий и пробовал самые разные пути: от ИСКОНовского* кришнаизма до тибетской школы Чод (очень напоминающую тех же капаликов). И чем радикальней и дальше от принципов Вавилона был культ, тем более привлекательным он был для Паши.

Путь, которому он следовал сейчас, если, конечно, все это было всерьез, очень уж непростой. Слишком много опасностей – от банального сумасшествия до серьезных заболеваний тела. Поэтому капаликов в Индии не так уж и много. Но Пашу опасности только привлекают...

Кстати, об опасностях. Первое, что он сказал, после традиционных «Ну, как ты?» и «А как ты?», были слова:

– Я вижу, тебе угрожает серьезная опасность. – Увидев, что я малость ошалел от его догадки, он добавил, – Ну, ничего, я за тобой присмотрю.

А подробнее можно? Конкретнее. – Поинтересовался я у Паши.

Нельзя. Твой понятийный аппарат не готов воспринимать то, что я могу рассказать. Или, чтобы тебе было не так обидно, скажу по-другому, – у нас с тобой разные сетки мышления – мой друг подробностями делиться не спешил.

По большому счету он был прав. Мы с ним находились в разных пространствах и язык, используемый для описания того, что происходит в его мире, мне не был понятен.

– А Расскажи-ка куда это ты в очередной раз вляпался – обратился ко мне Паша.

Пришлось рассказывать всё с самого начала – от встречи с Д. до попытки леди-боя меня застрелить. Внимательно выслушав меня, Паша заявил, что без чилома* здесь не обойтись, и наполнил трубку своей термоядерной смесью.

– Бом Шанкар,* – сказал он и затянулся, после чего передал трубку мне.

В мои планы курение разных веществ не входило, но в данном случае это было частью ритуала, и я, в свою очередь сказав «Бом Боланатх, Бом Шива*», сделал затяжку.

Ох, и крепкий же оказался чарас. С одной затяжки меня унесло куда-то в те места, где Ганг берет свое начало – в мои любимые Гималаи. Я сидел на веранде отеля «Голубой лотос» в деревушке Кальпа и любовался танцующими над вершиной Киннаур Кайлаш облаками. Они всё старались выстроиться так, чтобы походить на мантру «ОМ»*, но никак у них не получалось.

И вдруг облака рассеялись и я увидел стоящего на вершине горы Шиву. Он не очень походил на иконографические образы – далеко не вся атрибутика присутствовала. Но сияние вокруг него и горящий огнем третий глаз не оставляли сомнений. Да, и какие сомнения? Я знал, что это Шива. Знал и всё!

И тут я осознал, что я уже не на веранде гостиницы, а буквально в двух шагах от Махадэва*. Он подозвал меня ближе. Каждой клеточкой кожи ощущая жар, идущий от первого йога на Земле*, я подошел к нему.

– Открой ладонь. – сказал он мне.

Я протянул к нему руку и открыл ладонь.

– Это поможет тебе. – он положил мне в руку маленький золотой трезубец*. И исчез.

А я очнулся на берегу Ганга в священном городе Варанасаи. Мой друг Паша пристально меня рассматривал.

– Где был? – спросил он.

– В Кальпе.

– Значит, нам туда дорога, значит, нам туда дорога, – громко пропел Паша слова старой военной песни в очередной раз пугая своим громогласным голосом японца, к тому времени уже отошедшего от шока и собиравшегося вновь медитировать.

– Какая дорога? Я не собираюсь в Кальпу, – возразил я.

– А собирался ли ты пару дней назад в Варанаси? – спросил меня Паша.

И что я мог ему ответить? Он был прав.

Пока я раздумывал, рассказывать ли Паше о Шиве, он, сообщив мне, что скоро вернется, стремительно поднялся и направился вниз к Гангу. По пути он не мог отказать себе в удовольствии еще раз напугать японца. Проходя мимо него, он внезапно обернулся, состроил страшные глаза, левой рукой с черепом на ладони сделал загадочные пассы, а правой со всего размаху хрястнул посохом о землю и замогильным голосом произнес: «Б..., брысь отсюда, медитатор хренов (в оригинале несколько иначе). За... ли уже, эзотерики доморощенные, проще Ганг почистить, чем астрал после вас...» Эта загадочная фраза, сказанная на русском языке, похоже, была воспринята представителем страны восходящего солнца как страшное ритуальное заклинание. Я даже не знал, что всегда вальяжные японцы умеют так быстро бегать. Интересно, какие у него останутся воспоминания о славном городе Варанаси?

И тут я почувствовал легкое жжение кожи ладони правой руки. Я присмотрелся. Посреди ладони следом ожога отпечатался трезубец.

Примечания к главе десятой

Роял Энфилд – легендарные 350-кубовые английские мотоциклы, производимые в Индии с 1955 года.

Анджуна – пляж в Гоа.

Маникаран – священный город для индуистов и сикхов в долине Парвати. Знаменит своими горячими источниками.

Касоль – селение в долине Парвати.

Нако – тибетское село в долине Киннаур.

Табо – селение в высокогорной долины Спити, в котором находится тибетский монастырь 996 года основания.

Кумбха-мела («праздник кувшина») – самый большой религиозный праздник в мире, связанный с омовением в священных реках в тех местах, где на Землю упали капли напитка бессмертия – амриты.

Харидвар – один из четырех городов, где проводится Кумбха-мела. Кроме Харидвара, она проводится в Уджайне, Нашике и Праяге (Аллахабаде).

Дарджилинг – штат на Северо-Востоке Индии. Знаменит своими чайными плантациями.

Джи-Би Роад (Дели) – квартал «красных фонарей».

Ришикеш – город в предгорьях Гималаев – мировая столица йоги.

Кальпа – горная деревня в долине Каннаур.

Панчакарма – курс очистительных процедур в Аюрведе.

Керала – штат в Южной Индии.

Ауровиль – город-община на Юге Индии. Попытка претворить в жизнь утопию.

Ром «Оулд Манк» – знаменитый ром. Его называют гоанским, что не совсем точно, поскольку именно в Гоа он не производится. Но в Гоа он активно продается и популярен у иностранцев.

Гоанские шеки – пляжные кафе – обычная хижина, простая скромная обстановка, своеобразные представления о гигиене и санитарии.

Хампи – селение в Центральной Индии. Очень красивая природа вокруг и живописные руины великой Империи Виджиянагар (14—16 века).

Ретрит – уединение с целью духовной практики.

Ладакх – тибетский анклав в Индийских Гималаях. Именуется также Малым Тибетом.

Капалики – капалики, живущие обычно в местах сожжения трупов (шмашанах), поклоняются Шиве в его наиболее грозных обличьях и совершают ритуалы, так или иначе связанные со смертью, кладбищами, мертвыми телами, кровью, сексуальными практиками. Да, слово «секта» в данном случае не совсем уместно, поскольку всё делается исключительно добровольно. И, кстати, в индуизме это слово всего лишь означает – ответвление от ствола религии, не неся в себе отрицательное значение.

ИСКОН – Международное общество сознания Кришны (англ. International Society for Krishna Consciousness – **ISKCON**).

Чилом – трубка с гашишем.

Бом Шанкар, Бом Боланатх – так называемые чилом-мантры, посвященные богу Шиве.

Шива – верховное божество в Индуизме для его последователей. Его почитатели считают его и творцом, и разрушителем мира. В то же время, согласно древним текстам Шива – один из Тримурти (трое верховных божеств) наряду с богами Вишну и Брахмой, выполняющий функцию разрушения. Считается покровителем йоги. Также считается, что курение конопли – способ постижения мудрости Шивы.

Мантра ОМ – священный слог в индуизме и буддизме.

Махадэв – Великий Бог – один из эпитетов Шивы.

Первый йог на Земле – Шива – покровитель всех йогов. Считается, что именно он открыл этот путь личностного развития и рассказал об этом пути людям.

Трезубец – один из атрибутов Бога Шивы. Три острия символизируют прошлое, будущее и настоящее.

Глава одиннадцатая

Беседа с пандитом. О душителях подробно. Кандидаты в пхасингары. Ритуал посвящения в туги. Сахар и серебро. Жареные орешки по специальному рецепту. Фотомодель. Утонуть в глазах

Практически сразу после ухода Паши появился доктор Чидамбарам. Мне снова пришлось рассказывать всю историю. Пандит отнесся к ней серьезно.

– Да, молодой человек, то, о чем Вы мне поведали, могло бы быть делом рук пхасингаров. Я много лет изучаю этих ребят, и Ваша история могла бы быть неплохой иллюстрацией того, что они из себя представляют. – сказал он на хорошем английском языке. И продолжил. – Но порадовать Вас мне нечем. Живыми после знакомства с ними не уходят. Всё, что я могу сделать для Вас, – это рассказать о том, что я сам о них знаю, да, поможет Вам Шива.

Я непроизвольно взглянул на ладонь. Трезубец не исчез. Это было странно, но раздумывать об этом было некогда, Чидамбарам, устроившись поудобнее продолжил свой рассказ.

– Вы наверное не знаете, что душителями становились не сразу – это был долгий и непростой процесс. Обычно новыми членами секты становились мальчики десяти-двенадцати лет, как правило родственники кого-то из опытных пхасингаров. Кандидата в пхасингары его поручитель приводил к духовному главе секты (гуру), который отводил его в специальное помещение, где их уже ждали гиемадеры (главари своеобразных ячеек, проще говоря шаек). Они одобряли кандидатуру нового туга, после чего все выходили на открытый воздух и, став на колени в круг, обращались с молитвой к богине Кали. Гуру, воздев руки к небу, торжественно декламировал:

– О Бовани! Мать мира, которую мы обожаем, прими этого нового слугу, даруй ему свое покровительство, а нам знак, по которому мы удостоверимся в твоём согласии.

После этого собравшиеся ожидали знака, которым богиня Кали должна была одобрить своего нового поклонника. Дождавшись пролетающей птицы, пробежавшего животного или какого-либо иного ответа от грозной богини, пхасингары возвращались в комнату и отмечали прием в секту нового члена.

Но и после этой церемонии неофит еще не был душителем в буквальном смысле этого слова. У него были другие обязанности: люггаха (могильщика) или белхала (исследователя мест, наиболее подходящих для совершения замышляемых убийств). Не один год ему нужно было доказывать свою преданность богине Кали, выполняя эту черновую работу, пока наступал день, когда его повышали до степени кандидата в пхасингары-душители*.

И здесь тоже не обходилось без ритуалов и обрядов, которые так обожают индийцы. В выбранный в соответствии с астрологическими данными день гуру вводил кандидата в круг, начерченный на песке и окруженный таинственными надписями на санскрите.

Не выходя из этого круга, тот должен был молиться Кали четыре дня, питаясь только молоком. Кроме молитв ему еще предстояло упражняться в удушении жертв, которых привязывали к специфической формы столбу, вкопанному в землю в этом же круге.

И только на пятый день духовный лидер секты торжественно вручал новоиспеченному тугу омытый в святой воде и смазанный маслом румал – священный платок для удушения во имя Кали.

Под конец церемонии инициации новому члену секты давали кусок неочищенного сахара, который он сразу же съедал под сопровождение напутствия гуру. А напутствие состояло в призыве принести великой богине как можно больше жертв.

Кстати, сахар у пхасингаров был в фаворе. После ритуала жертвоприношения (а любой по правилам задушенный человек – это и есть жертвоприношение) они обычно устраивали церемониальное пиршество. Собравшись где-нибудь в шатре, посвященные рассаживались на расстеленных одеждах в кругу (непосвященные вне круга). В середине круга лежала освященная мотыга, жертва для богини Кали – слиток серебра и неочищенный сахар. Тот из присутствующих, кто в этот момент занимал самое высокое место в иерархии секты, выкапывал в земле ямку, сыпал в нее немного сахара, после чего, окропив святой водой сосуд с сахаром и мотыгу, раздавал сахар всем присутствующим. Считалось, что тот, кто съест этот сахар, навсегда станет рабом богини Кали.

Подобных любопытных подробностей из жизни тугов доктор Чидамбарам знал множество. Я пока еще не уяснил, как вся эта информация может мне пригодиться в расследовании дела, но чувствовал, что что-то важное я уже узнал. И еще я думал о том, что если моя гипотеза о недавнем появлении тугов в Бангкоке верна, то они могли наследить и здесь, а потому попросил моего собеседника узнать, не было ли в недавнем прошлом в Индии случаев загадочных убийств, которые могли совершить пхасингары.

Мы договорились еще раз встретиться вечером на огненной пудже* Ганга Арти на Дасашвамежх гхате, чтобы полюбоваться этим зрелищем, и еще раз переговорить. Пандит удалился, а я остался сидеть на ступеньках гхата.

– Жареные орешки, жареные орешки! – индийский шкет, одетый в какое-то рваньё, предложил мне пополнить запас белка в моем теле.

Я купил кулечек и стал поглощать жареный арахис в месте, где поджаривают совсем другой белок – человеческие тела. «Не самое лучшее место для приема пищи», – подумал я и отправился в ресторанчик на крыше одного из домов на набережной. Хотелось полюбоваться видом на Ганг. Но дойти туда мне было не суждено.

Кроме ресторана в этом доме было много чего еще (магазины, офисы), в том числе и гест-хаус на третьем и четвертом этажах. На лестничной площадке четвертого этажа стояла молодая и очень привлекательная индианка в непривычной для Варанаси (а более привычной для клубов Бомбея) одежде – джинсах и легкой футболочке, подчеркивающих волнующие изгибы ее тела.

– Вы не могли бы мне помочь? Я не могу открыть дверь в свой номер, – на безупречном английском языке сказала она.

— Конечно, — в тот момент я не видел причин не помочь такой красивой девушке. Более того, мне очень сильно хотелось ей помочь. И даже усилившееся жжение отпечатка трезубца на ладони не могло меня остановить.

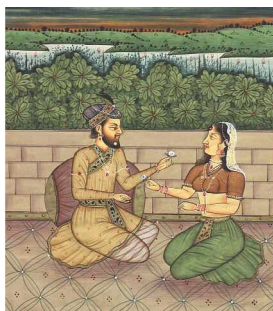
Мы прошли к двери в ее номер. Мне бы тогда подумать, отчего это вдруг индианка с внешностью фотомодели проживает в таком захолустье? Мне бы подумать, отчего жжение в ладони становится почти невыносимым? Но жареный арахис (приготовленный, видимо, специально для меня по специальному же рецепту) уже начал свое действие, и мозг мой был изрядно затуманен.

Я легко открыл дверь и, не соображая почему, вдруг оказался в номере. Моя способность к самоконтролю была утеряна. Девушка тем временем, подтолкнув меня к кровати, стала раздеваться, при этом неотрывно смотря мне в глаза. Я тонул в ее глазах и тонул в ее сознании, обещавшем мне невиданное доселе наслаждение. Где-то в самом уголке моего сознания билась мысль, что здесь что-то нечисто, что нужно бежать отсюда, но я был уже не в состоянии этого сделать.

Примечания к главе одиннадцатой

Пуджа – в Индуизме бескровное жертвоприношение.

Огненная пуджа Ганга Арти – очень красивый ритуал на берегу Ганга, посвященный Шиве, Сурье (Бог Солнца), Агни (Бог Огня) и Ганге (богиня великой реки).

Глава двенадцатая

Беседка у Ганга. Индийская эротика в стиле Камасутры. Пробуждение. Ганика. Препятствия и опасности. Брахмачария у капаликов

Я возлежал на парчовых подушках на полу в резной, в тайском стиле, беседке из золотого тикового дерева, расположенной на возвышении. Внизу полуденное солнце заливало золотом Ганг. Вокруг беседки был разбит маленький сад, опять же в тайском стиле с многочисленными бонсайчиками, орхидеями, водопадами и маленькими глиняными фигурками смеющихся монахов. Откуда-то звучала музыка в стиле нью-эйдж*, казалось, со всех сторон долетали ее звуки. Передо мной танцевала полностью обнаженная женщина красоты, как в таких случаях говорят, просто неопишуемой. Ее коричневое тело двигалось настолько грациозно, что даже я, не слишком большой любитель женских танцев (любых – от восточных до стриптиза), получал огромное наслаждение от любования ее движениями. У меня перехватывало дыхание от вида огромных темных сосков ее полных грудей, размеренно колымавшихся в такт музыке. Меня неудержимо манило дотронуться до них, сжать, прикоснуться языком к ложбинке между грудями и спуститься ниже к пупку, в который, согласно классическим канонам, могли вместиться несколько унций оливкового масла. Чуть ниже пупка начинался рисунок из хны, дорожка из цветов вела к самому красивому цветку из виденных мною до этого. Это был центр притяжения. Водоворот, попав в который назад уже не выбраться...

Внезапно беседка наполнилась дымом, скрывшим всё вокруг. Когда дым рассеялся я увидел перед собой довольно улыбающееся лицо Паши, с неизменным чиломом в зубах.

– Ну, ты бы хоть подумал, откуда на берегу Ганга садик в тайском стиле?

Легко сказать – подумал. Способность осмысливать происходящее только-только возвращалась ко мне. Я осмотрелся. В маленькой комнате с огромным, дико визжащим вентилятором на потолке, кроме большой двуспальной кровати, застеленной бельем не первой свежести, не было ничего. В углу, прикрыв лицо руками, сидела завлекшая меня девушка, успевшая к тому времени одеться.

– Кто она? – спросил я Пашу.

– Ганика*. – ответил он запустив воздух очередную порцию совсем не табачного дыма.

– Какая ганика? Откуда здесь ганика? Мусульмане уничтожили их всех... – удивился я.

– Ага. А англичане уничтожили всех пхасингаров... – И в очередной раз затянувшись, Паша, сделав умное лицо, глубокомысленно произнес: – В Индии невозможно что-либо уничтожить навсегда...

– Она что-нибудь говорит? Кто ее нанял? – спросил я своего друга.

– Она толком ничего не знает. Всё было сделано через посредников. Нити ведут куда-то на самый верх индийского истеблишмента. – Паша воздел глаза к небу.

– А что предполагалось сделать со мной? – задал я очередной вопрос. И получил очередной ответ.

– Да ничего особенного. В самый разгар ваших любовных утех здесь появились бы полицейские с фото- и видеотехникой и определили бы тебя в местную тюрьму за изнасилование несовершеннолетней. А пока бы ты доказывал, что никакого изнасилования не было и что она совершеннолетняя, пару месяцев и прошло бы. И это в лучшем для тебя случае.

– А в худшем? А впрочем, чего я спрашиваю? В худшем случае меня бы из тюрьмы вынесли... Вперед ногами...

Паша кивнул в знак согласия. Выходит так, что в Индии, как и в Таиланде, кто-то очень серьезный и высокопоставленный не хочет дальнейшего продвижения моего расследования. С одной стороны это даже несколько обнадеживало – похоже, я на правильном пути. Но как-то мне не очень нравилось быть не только охотником, но и объектом охоты.

– Это и есть серьезная опасность для меня, о которой ты говорил? – кивнув на замершую в углу ганику, спросил я Пашу.

– Не хотел бы тебя огорчать, но всё еще впереди, – ответил он. И, подмигнув, продолжил: – Да, не переживай ты, я за тобой присмотрю.

– Спасибо, Паша, что уже присмотрел. – Если бы он не оказался здесь так вовремя, всё могло бы быть совсем печально. В который раз я сказал себе, что нужно быть осторожней. Наверное, я произнес это вслух (или Паша умеет читать мысли), потому как мой друг посмотрел на меня непривычно серьезно и, кивнув в знак согласия, сказал:

– Это уж точно. Ну ладно, пойдем на воздух, не стоит здесь долго оставаться.

– А с ней что будем делать? – я повернулся в сторону пытавшейся соблазнить меня девушки. Под моим суровым взглядом она попыталась еще больше забиться в угол, да, уже было некуда.

Но Паша в отношении пленницы был настроен благодушно.

– Да ничего. У нее и так будут неприятности, ведь задание она не выполнила. А телефончик я у нее взял, – весело сказал Паша и подмигнул мне.

– Эй-эй, какой телефончик, а как же брахмачария*? – недоуменно спросил я Пашу.

– Я тебя умоляю, – несколько комично, с одесскими интонациями, – произнес он, – какая-токая брахмачария у капаликов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.